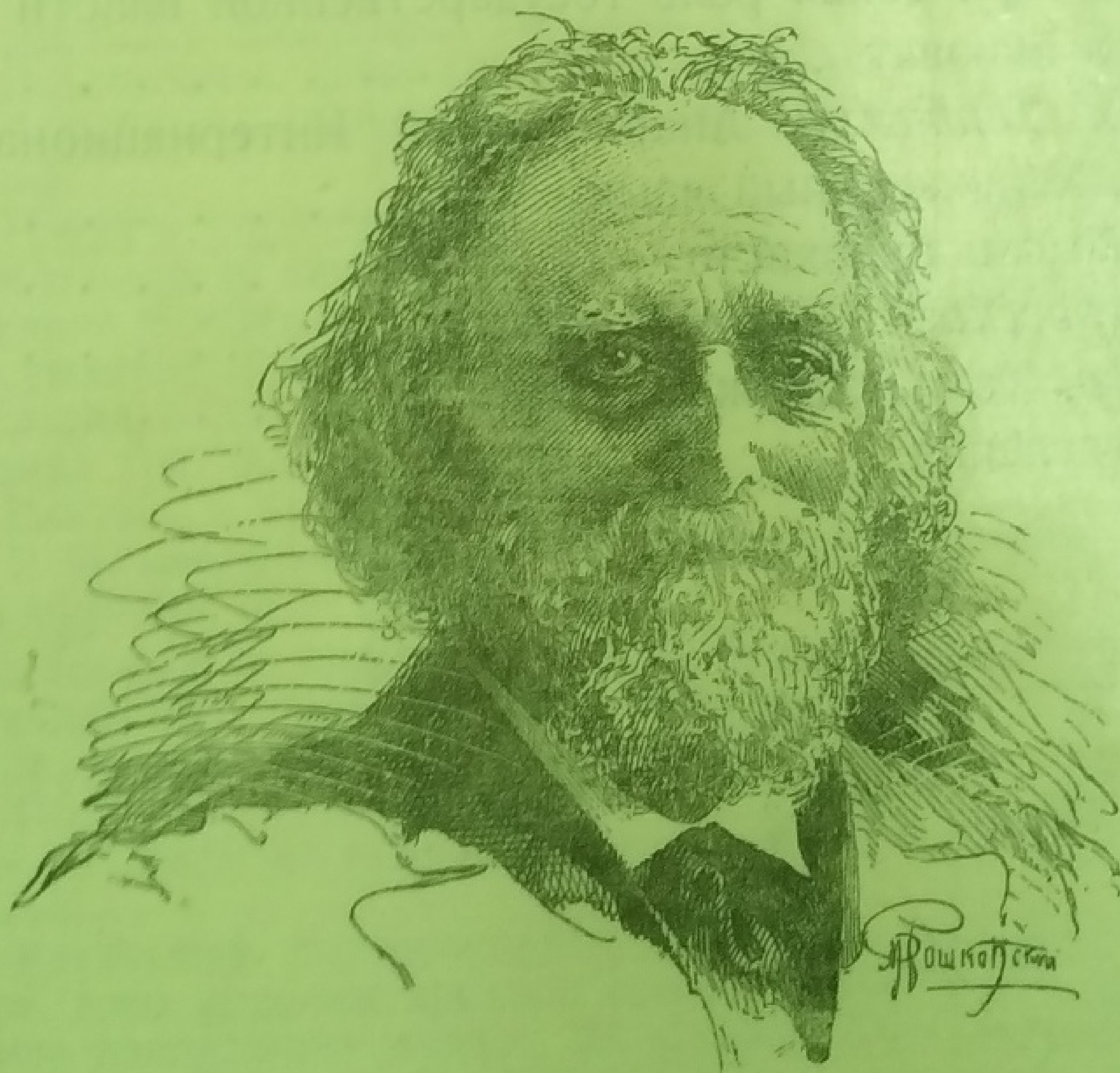
Н 105.

Освобождение трудящихся,
есть дело самих трудящихся!

Вольный Труд.

Орган Питерской Федерации Анархо-Синдикалистских групп.

№ 5—6. 10 Июня. 1919 г.

Элизе Реклю.

СОДЕРЖАНИЕ:

Стр.

Декларация Всероссийской Федерации Анархической молодежи, принятая 6-го Мая 1919 г. . . 3

Программа Всероссийской Федерации Анархистской молодежи 4

Б. С. Историческая роль государственной власти . 5

Он. Кто виноват 17

Михаил Топтыгин. Анархический Интернационал и международный язык 25

О. Н. Мысли анархиста 37

Н. Островский. Цель жизни 39

Семеныч. Из нашей жизни 40

Об'явления.

ДЕКЛАРАЦИЯ

Всероссийской Федерации Анархистской молодежи, принятая Секретариатом 6-го мая 1919 г.

Секретариат Всефам'а, принимая во внимание, что Федерация достигла той степени развития, когда она может приступить к практической действенной работе и принимая во внимание, что действенная работа о самой сушности своей может вестись только по определенной программе и намеченной линии поведения (тактике), принимает следующее решение:

1. Подготовить почву для массового анархического движения.

2. Выработать программу, ясно определяющую круг работы Федерации.

3. Избрать определенную линию поведения (тактику).

Примечание: а) тактика определяется совместно с московской групцой Всефам'а б) принятая тактика предоставляется на обсуждение всем группам Всефам'а, при чем в случае несогласия с тактикой, группы избирают свою впредь до созыва 1-го Всеросс. С'езда.

4. Влиться в организации старших товарищей.

5. В организационном вопросе руководствоваться всецело наказом группам от 9 февраля с. г.

Примечание: а) прием членов в группы предоставляется группам на местах, б) прием групп и одиночек в Федерацию определяется общим собранием Секретариата.

6) Поручить группам и членам Секретариата приготовить доклады к С'езду по вопросам, принятым 1-й Всероссийской конференцией.

7. Настоящей декларацией § 4 основной декларации аннулируется; всем группам предоставляется возможность вырабатывать свою декларацию впредь до созыва 1-го Всероссийского с'езда.

ПРОГРАММА

Всероссийской Федерации Анархистской Молодежи.

Многовековое царство рабства, тьмы и застоя рушится. Пламя социальной революции, разгорающееся во всех странах, грозит превратиться в мировой пожар, который испепелит на своем пути границы, государства, власть и религию и приведет человечество к новой жизни—жизни в анархии.

Чем скорее пронесется всесокрушающий огонь мирового пожара, тем быстрее человечество войдет в эру гигантского строительства—строительства анархии.

И наша задача, задача молодого поколения России, нести твердо и смело впереди Черное Знамя великой революции и всеми силами раздувать пламя мирового пожара.

Считая, что октябрьское восстание 1917 г., как всякое проявление бунтарского духа угнетенных есть фактор прогрессивный, но что последовавшая диктатура одной партии и концентрация власти с ее бюрократическими и всеми другими проявлениями, несет в сущности своей реакцию, Секретариат Всефам'а призывает во имя истинной социальной революции к борьбе с реакцией под лозунгом „С угнетенными против угнетателей всегда!"

Анархистское рабочее движение не может стать простой политической партией, стремящейся лишь к уничтожению государственной власти, оно должно вылиться в организованный фактор сознательного воздействия на ход истории плодотворным строительством, а посему Секретариат В. Ф. А. М. находит, что задача настоящего момента заключается в том, чтобы во 1) сплотить на беспартийной, экономической почве (Фабрично-заводских, железнодорожных и т. п. комитетов, кооперативов и др.) все трудовые элементы, участвующие в производстве, в одну экономическую организацию—Всероссийскую Конфедерацию Труда, об'единяющую как городских и сельских рабочих, так и трудовую интеллигенцию; 2) добиться перехода из рук чиновников в распоряжение этой Всероссийской Конфедерации Труда всех социализированных предприятий и отраслей промышленности, подготовив таким образом переход в руки Конфедерации руководства всем производством страны и 3) немедленно создать единую и крепкую всероссийскую организацию анархистов, которая активно участвуя в политической жизни страны, поддерживая словом и делом всякое революционное выступление, стремилась не к захвату старой государственной власти, а к уничтожению всякой организованной формы насилия над человеческой личностью.

Историческая роль государственной власти.

Было время, когда человек жил не в обществе себе подобных, а в одиночку, когда он был животное, одаренное разумом, но не личностью (ибо личность рождается только в обществе). Постепенно человек (разумное животное), благодаря разуму — с одной стороны, и эмоциям—с другой, начал сознавать превосходство совместной общественной жизни и чувствовать для себя ее необходимость: в совместной жизни легче достигнуть удовлетворения своих потребностей (прежде всего физиологических) и легче бороться со своими врагами, которых у первобытного человека было видимо-невидимо. Люди одного и того же родственного союза перестали расходиться врозь, а оставались жить совместно в семье, роде, племени.

Возникает общество, а с ним и личность.

Но в этом обществе не было ни власти, ни законов, ни судов, а было только свободное общественное мнение. Такую общественную жизнь без власти, законов и судов можно наблюдать и сейчас среди дикарей. Уоллес рассказывает: „Когда я жил между южно-американскими дикарями и на востоке, то мне случилось проживать в таких общинах, *где не имелось ни законов, ни судов, ничего, кроме свободно выраженного общественного мнения*". (Курс. мой).

Впоследствии, с присоединением нового элемента к обществу, а именно государственной власти, образуется государство, которое есть только одна из сторон общества, „одна из тех форм, которые общество принимало в течение своей истории". Эти два понятия—общество и государство—нужно строго различать.

Как же появилась государственная и вообще общественная власть?

Зарождение власти не везде и не всегда одинаково.

Большею частью, причину зарождения государства с его властью усматривают в завоевании. Толпа удальцов, сгрупировавшись вокруг одного своего сородича, пользующегося репутацией храбреца, сильного и лозкого человека, счастливца, совершает набег на соседний род, племя, с целью „поживиться“ и жить потом некоторое время припеваючи и спокойно за счет награбленного. Конечно побуждающими мотивами были не только удальство и желание пограбить. Суровая борьба за существование, лучшее географическое н экономическое положение соседнего племени, напор врага извне, многочисленность и бедность одного рода, малочисленность и богатство другого рода и т. п. обстоятельства были нередко причинами набегов. Чем бы ни вызывался набег, он почти всегда оканчивался грабежом; но бывали случаи, когда, совершившие удачный набег, предпочитали грабежу жизнь среди побежденных на правах победителя: как бы богата не была награбленная добыча, рано или поздно она кончится, будет прожита и тогда снова придется идти в поход, который, конечно, был сопряжен с большими опастностями и трудностями и не всегда кончался удачно. Совершенно другая картина беспечной, беззаботной веселой жизни за счет побежденных рисовалась победителям при мысли остаться жить на правах победителя. Необходимо было только поддерживать свою военную организацию и не давать возможности соорганизоваться побежденным.

Эта теория возникновения власти (победители — властвующие, побежденные—подвластные), известная под именем *теория завоевания*, подтверждается многими историческими фактами; завоевание галлов франками привело к образованию Франции; саксов норманами—Англии; нашествие германцев на Европу привело к образованию целого ряда государств; пришествие варягов к славянам привело к образованию России и т. д. [1]).

Другая причина возникновения власти—постепенный переход временной власти вождя полководца, в постоянную власть. Вождь, руководящий военными операциями (нападение или оборона), наделялся по необходимости на время особыми правами, главным образом, правом руководить операцией. Коль скоро проходила

---

[1]) Гумплович считает завоевание общей причиной образования государства и, следовательно, его характерного признака,—государственной власти.—

необходимость в этой власти (кончался поход, отражался враг), она прекращалась сама собой. Частые столкновения различных племен, вызванные, как было уже отчасти выше указано (различными об'ективными и суб'ективными обстоятельствами) мало-по-малу превратили эту временную власть в постоянную. Одновременно и параллельно этому превращению увеличивался и об'ем тех прав, которыми наделяли властителей, и увеличивался об'ем тех обязанностей которые приписывали подвластным.

Это эволюционное зарождение власти в борьбе за существование точно так же подтверждается историей: прежде всего, историей Греции, Рима, азиатских народов и т. д. Эту теорию зарождения власти правильнее всего было бы назвать *теорией эволюции* или *теорией борьбы за существование.*

Третья теория, известная под именем *патриархальной теории,* об'ясняет возникновение государства из постепенно разросшейся семьи, рода,—начало государственной власти усматривает в родоначальнике. Отдельные семьи, роды, жившие в различных местах в своем внутреннем распорядке подчинялись более опытному, более старому „главе" семейства или рода. Постепенно с увеличением рода подчинение родоначальнику принимало другую форму,—форму подчинения подвластных властителю.

История еврейского народа (до переселения в Египет) вполне подтверждает эту теорию. Можно также напомнить историю славян, германцев и многих других народов, родовая и племенная жизнь которых была до некоторой степени прототипом и основой последующего государственного строя.

Четвертая теория—*договорная*—окончательно разработанная Руссо, об'ясняет происхождение государства и власти из договора люди сходятся и заключают договор об учреждении государства и государственной власти.

Эта теория с большими поправками по существу, пожалуй. применима только к возникновению государства нового времени, для исторического же об'яснения она непригодна. Каким образом, например, люди решаются учредить государство, если у них раньше и понятия о государстве не было?

К этой теории мы еще вернемся не раз в будущем, сейчас отметим лишь один вопрос, невольно напрашивающийся всегда при знакомстве с теорией договора: не следует ли из теории договора, что *договор* должен быть заключен со всяким (хотя бы взрослым) человеком, уж потом требовать от этого человека повиновения, подчинения,—вообще исполнения обязательств по

договору? Почему на меня должны распространяться, обязательства, которые я никогда *добровольно* (первое условие договора) не налагал на себя? Но может ли принудительное требование со стороны представителей государственной власти исполнения таких, в действительности не существующих, обязательств быть квалифицировано, как вымогательство—с одной стороны, и как мошенничество—с другой?

Таковы вкратце главные теории зарождения государства и его власти, не являющиеся как в отдельности, так и вместе, взятые, монопольными. Подлинно—научные исторические исследования в будущем, наверно, откроют еще много причин зарождения и образования государства.

Теперь интересно выяснить, почему люди повиновались и повинуются власти, навязанной им, большею частью, помимо и даже против их желания?

Конечно, потому, что у властителя была и есть реальная сила способная заставить подчиниться его требованиям, его приказаниям и желаниям. Эта реальная сила была, прежде всего физическая сила самого властителя, перед которой древний человек преклонялся, которую он почитал.

Властитель в древности—это герой, богатырь, способный один сражаться с целыми „полчищами врагов“ (вспомните сказки, былины народные); перед таким героем преклоняются и такому властителю повинуются. Но поддерживать одною своею физической силой повиновение среди подвластных не всегда было возможно. Как высок ни был культ физической силы, любовь и стремление к свободе в древности были во много раз выше и сильнее. Это и побуждало властителя обзавестись надежной дружиной (коллективной физической силой), которая за хорошее вознаграждение и обхождение поддерживала престиж власти. Хорошее вознаграждение и обхождение были, пожалуй, главными условиями для удержания опытной и искусственной дружины. Владимир Мономах, поспешно удовлетворивший требование своей дружины (заменив деревянные ложки серебряными), ошибался, а, может быть, и намеренно льстил, говоря, что с дружиной серебро он найдет, дружину же серебром нет. Серебро он находил дружиной, а дружину находил серебром. Серебро и дружина тесно связаны между собою.

В тех случаях, когда добыча, добытая при помощи, дружины, была слишком мала или кончалась ранее намеченного очередного грабежа, необходимые средства для вознаграждения властелином

своей дружины давали богатые классы, (комплектовавшиеся из живущих „в отставке“ нажившихся дружинников, крупных рабовладельцев, купцов и т. д.), которые взамен получали то или иное количество подвластных для эксплоатации, природные богатства (леса, земли, воды) для той же цели, поддержку власти в борьбе с непокорными рабами-бунтарями, различные привилегии, граничащие иногда с суверенностью и т. д.

Древне—русские памятники рисуют очень интересную, характерную картину отношений между князьями и дружинниками. Богатые дружинники, бояре, вступали с князьями в особые соглашения, заключали „ряд“ (договор), по которым первые обязывались оказывать князю всякую помощь в борьбе с врагами, которые (князья) обязывались за то, „жаловать“ дружинников „честью и властью“. В случае неисполнения какой-нибудь стороной своих обязательств договор расторгался. Князья, нужно заметить, были бессильны удержать недовольного дружинника против его желания у себя на службе. Каждый „ряд“ предусматривал полную свободу во взаимных отношениях : „А боярам и слугам межи нас вольным—воля“.

Тесный союз властелина, солдата и богача—одна из первых причин повиновения.

Но и этот союз иногда должен был уступать натиску подвластных, когда и поскольку жизнь этих подвластных становилась невмоготу тяжелой, и натиск принимал организованную форму.

Причин для этого организованного натиска, для напора подвластных было много, главная же—невыносимое трудное экономическое и политическое положение подвластных. В то время, как празящий класс „управлял“, пользуясь всеми „радостями и благами жизни“, управляемые, класс порабощенных, голодные и холодные, в каторжном труде добывали своим поработителям средства беззаботного существования, служили орудием и средством их потех и увеселений, рождаясь, живя и умирая в вечном горе, нужде, кабале, в вечной беспросветной тьме.

Древний человек любил, понимал и ценил свою свободу не хуже, а во много раз лучше, современного „свободного“ гражданина какого-нибудь „свободного культурного государства“, свобода которого заключается разве только в свободе пухнуть и умирать с голода. Часто этот древний человек, стоявший близко к природе, видел и наблюдал, как живут вокруг него (в природе) животные, птицы, царем которых он себя считал, или его считали,

и, сравнивая свою жизнь „царя“ с их жизнью, он, может быть, не раз горько улыбался и уж, конечно, не завидовал судьбе и уделу „царя природы“ [1]).

Экономическое и тесно связанное с ними политическое рабство подвластных доводили их до мысли сбросить с себя цепи рабства, иго властвующих, и стать свободными. Смелые и сильные вступали в смертельный бой с властелинами, побуждаемые, повторяем, не „строптивым“, „бунтарским“ духом, а своим безвыходно-рабским положением. Не „ухарством“ не „непокорностью“ можно и должно об‘яснять уход бедняков Рима в горы, а их слишком тяжелою жизнью. Не любопытство и кровожадность побудили древлян разорвать Игоря на две части, а горькая, нестерпимая более жизнь.

Но сколько раз эта борьба ни начиналась, кончавшаяся очень часто победой восставших, она не приносила все-таки желаемого освобождения, ибо она била мимо цели: боролись, как и теперь борятся, не *против* власти, а *за* власть, не за полное ее уничтожение, а за новую, другую ее форму, за иное ее выражение, за обладание властью. Урвать хоть что-нибудь для себя (чаще что нибудь призрачное)—вот, обычные и по сей день лозунги этой борьбы.

Новая власть, появляющаяся в результате (этой) борьбы, не могла дать, конечно, не только освобождения (так как свобода и власть—два понятия несовместимые ни при каких условиях), но и чего-нибудь хорошего, лучшего, как не может дать ничего хорошего, лучшего какая бы то ни была власть вообще. Взаимоотношение между поработителями и порабощенными, между властителями и подвластными, между правящими и управляемыми оставалось *по существу* прежним, менялись только суб‘екты прав, наделяемых фантазмой „государственная власть“, менялись правители, менялась только *форма*. Экономическое и политическое неравенство, не уничтожалось, а принимало только другую форму, иногда более скрытную, и тем самым более опасную и тяжелую.

Проходило некоторое время, и плоды новой власти вставали снова перед подвластными. Начиналась снова борьба, приводившая в результате снова к „новой власти“ и так все чаще и чаще. Уходили одни, приходили другие.

---

[1]) Напомню древне-русские песни, сказки, былины, проникнутые грустью тоской, жаждой свободы, стремлением вырваться из оков и цепей, наложенными на человека его поработителями.—

Нужно было искать новую силу, которая была бы в состоянии удержать „напор", которая смогла бы совершенно уничтожить стремление подвластных к свободе.

Но что же было внушительнее кулака, реальной силы властителей?

— Религия.

Понятие о боге были уже внедрены к этому времени в душу человека, в его сознание.

Окружающая природа была совершенно непонятна первобытному человеку. Он усматривал в ней какую-то таинственную силу, которая то заботится о нем, то оставляет его, то помогает ему, то противодействует ему (на охоте, рыбной ловле, войне и т. д.), то награждает его, то наказывает его (болезнь, неудача, смерть и т. д.). В существовании этой силы человек убедился из ежедневного опыта, но о ней он ничего не знал да пожалуй и не стремился узнать.

Не знал он, что эта сила, по своему существу по своей природе такой же человек, как и он, мало того, человек той же расы, того же племени, что и он (известно, напр., что бог европейцев—человек белой расы, бог китайцев—человек с косыми глазами, косой, с выдающимися скулами, бог негров—чернокожий, курчавый и т. д.). Не знал он, что эта сила—бог делит всех людей на своих врагов и друзей и что для того, чтобы попасть в разряд его „друзей" достаточно соблюдать известные обряды и правила ей (силе-богу) угодные. Не знал он, что бог-корыстолюбив, честолюбив и „не чист на руку"; любит брать взятки (так называемые жертвы): берет он их за все за содеянные грехи, авансом за будущие, за то, чтобы обеспечить кому-либо тепленькое местечко на „том свете", в „раю", за помощь и хлопоты в различных делах на „этом свете" и т. д. и т. д.

Не знал он, что бог-кровожаден: любит натравить два народа друг на друга, а потом самому принять участие в битве, помогая тому, кто лучше и сильнее задобрит его милость (жертвами и молитвами) и наказывая того, кто навлекает на себя его „справедливый гнев". Всего этого и многого другого подобного человек, повторяем, не знал и не стремился узнать.

Явились жрецы и об'явили себя служителями и помощниками этой высшей силы.

Эти жрецы рассказали людям о боге, об его характере (довольно тяжелом), об его житье-бытье, о его делах, о всем том, что известно ныне о боге. Они (жрецы) были не лучше, а пожалуй

хуже властителей, но с ними человек боялся вступать в борьбу даже тогда, когда их иго (ревностное служение богу) переходило границы всякого человеческого терпения, боялся потому, что борьбу с ними, служителями богов, считал невозможной, безуспешной и безумной.

Эти, неуязвимые в первое время, жрецы и пришли на помощь властителям, побуждаемые опасением (небезосновательным), как бы подвластные в пылу своей борьбы с властителями не вспомнили и о них. Они понимали, кроме того, что вера в человеке—не безконечна во времени, рано или поздно ее сменит *знание*, и худо будет им, если вера в них (жрецов) исчезнет ранее, чем они успеют обзавестись надежной реальной, земной силой (вместо фантастической, выдуманной ими самими, силы богов, „небесной силы"), ранее, чем они успеют прочно укрепиться на своем месте, на своих позициях. Такой опорой могла послужить им власть, правящий класс со своей реальной коллективной силой (дружиной).

С своей стороны, властители учили громадное значение религии и учли это значение, прежде всего, для себя. Они старались развивать и поддерживать в среде подвластных религию стремясь в то же время соединить в своих руках жреческие и властительские функции и тем самым поднять престиж свой в глазах подвластных. Это стремление к соединению властительских и жреческих функций можно и теперь наблюдать у дикарей. „У племени дакота вождь, предводительствующий войском на войне, принадлежит всегда к числу знахарей, и относительно его существует мнение, что он обладает силой обеспечить успех за своим войском и спасти его от поражения".

Напомним также борьбу светской и духовной власти в Византии, начавшуюся с Константина Великого, источником которой было стремление к соединению божеских и властельских функций в однех руках. Вместо слияния этих двух властей в одном суб'екте, к чему стремились сперва императоры, а затем, патриархи (византийская система), уже с IV века начинается постепенное, сначала робкое, противопоставление Socerdotium'a, imperium'у (священства-власти) с целью вырвать почву из-под ног императоров, которые вмешивались во все дела церкви.

Эпоха такой же борьбы светской власти с духовной на западе началась приблизительно около V века, но там инициатором борьбы была всегда церковь,—маленькие бессильные феодалы сами нередко искали защиты и помощи у сильной

духовной власти против своих более сильных, более могущественных врагов.

Россия также пережила этот период борьбы, борьбы дошедшей до апогея в XVI и XVII в. и закончившейся поражениям и подчинением духовной власти.

Если же властителю не удавалось соединить в себе властителя и жреца, то он по крайней мере, старался войти в соглашение с жрецами, заключался обоюдно-выгодный договор.

К союзу паработителей, состоящему из властителя, воина и богача, присоединялся жрец.

Жрецы об'являли всякую власть божественным установлением, как божественным установлением об'являли они весь тот несправедливый, неравный строй, который поддерживался этой властью. За покушение и неповиновение власти и всему тому, на чем эта власть покоилась и что из нее вытекало, жрецы угрожали уже божескими (а не человеческими) карами.

Для вящей убедительности божественного происхождения своей власти, властители окружали себя богатством, роскошью, старались ослепить подвластных величием и великолепием, всего, окружающего их, подобно недосягаемости богов, показываясь подвластным только в особо-торжественных случаях и, вместе с тем, в особо-торжественной обстановке. Последнее явление особенно сильно развилось на Востоке (Египет, Сирия, Иудея), откуда перешло в Грецию, а из последней в Европу вообще и к нам в Россию в частности.

Эта теократическая теория (божественное происхождение власти), возникшая в глубокой древности, во времена язычества перешло „по наследству“ в Иудейскую и христианскую религию.

Долго эта опора власти была непоколебима, но и она, в конце концов, не смогла удержать ненависти и злобы подвластных против своих поработителей. Известно, напр., что евреи со своими царями „помазанниками божими“, поставленными и избранными самим Богом, расправлялись нередко так, как можно и нужно было ожидать властителям за свое слишком ревностное и усердное „властвование“. Наши предки, в особенности *вольнолюбивые новюродцы*“, несмотря на догмат христианской церкви о божественном происхождении и установлении власти, частенько занимались „выбитием вон из земли“ зарвавшихся князей. Подобные примеры можно найти почти у всех народов.

Настало время, когда и четверной союз (вождя, воина, богача и жреца) не мог спасти власти, не мог удержать напора

подвластных. Все чаще и чаще вспыхивали восстания порабощенных—подданных, пытавшихся, главным образом, исправить ошибку бога в выборе лиц, достойных быть его преемниками на земле.

Становилось ясным, что идеи теократизма, издавна внедряемые в головы людей, потеряли свою силу, свое значение и должны быть заменены новыми более прочными или, по крайней мере, должны быть более удачно обоснованы.

Эту последнюю работу (более прочное обоснование идей теократизма) взяла на себя духовная наука, и в лице своих лучших представителей дополнила идею теократизма, присоединив к ней цель: власть по природе своей—божественного происхождения, *цель ее—служение Богу*.

Окончательную разработку этой новой теократической теории дал блаженный Августин (в V веке). Существуют, по мнению Августина, два государства: небесное или божие государство (civitas dei) и земное или человеческое государство (civitas terrena). Цель земного государства земное благополучие и мир, необходимый для Божьего государства. Земная государственная власть должна служить небесной, Божьей власти и служить не по своему усмотрению, а по указанию *клира* церкви, священства которому известно воля Бога. Отказ следовать указаниям священства, церкви, превращает человеческое государство в государство дьявола (civitas diaboli).

Такое обоснование государственной власти, при котором воля Божия смешивалась с волей священства (что вполне понятно, если принимать во внимание борьбу между властелинами и папами за власть постепенно разгоравшуюся в то время), в сущности не укрепляло власти, а расшатывало ее. Малейшее уклонение властителей от служения небесному государству, что чаще всего подмечалось клиром с папой в главе, вело неминуемо к свержению дьявольской власти и замене ее новой, угодной церкви.

В противовес этой теологической цели, светская наука, постепенно освободившаяся от опеки и попечительства церкви, духовенства, но, к сожалению, попавшая под покровительство светской власти), разработала детальнее другую цель,—цель земного благополучия подвластных, охранение безопасности и установление порядка. В результате церковь этой новой целью—„уловкой“ была побеждена в своих притязаниях, но победить подвластных—не удалось. Сотни подвластных ежедневно склады-

вали на плахе свои головы, тысячи и десятки тысяч томились в ужасных тюрьмах, умирали на пытке, умирали в борьбе с властью, борьбе, большею частью, неравной. Человек, свободный по своей природе, не мог переносить дикого, жестокого и бессмысленного властвования над собой. Несмотря на то, что властвование прикрывалось ширмой *порядка и безопасности* граждан, многим было очевидно и ясно, что порядок, если и есть, то есть лишь в грабеже и обирании подвластных, безопасно и свободно творимых властителями и их сподвижниками.

В 18 и 19 в. была выдвинута и разработана новая цель (отчасти на смену старой цели порядка и безопасности граждан, отчасти как дополнение ее)—служение праву, охраняющему порядок и безопасность, другими словами, цель государственной власти—служение *правопорядку*.

До сих пор идея *правовою государства* не дала желаемых и ожидаемых результатов: борьба с властью не уменьшалась, а идет более усиленным темпом.

В конце прошлого столетия социалистами государственниками идея правовой государственной власти, служащей праву, была сконструирована еще иначе. Цель власти и права—служение обществу. В будущем социалистическом обществе власть будет принадлежать всему трудящемуся люду, „вся власть народу", говорят „социалисты". Представители государственпой власти будут служить народу, исполнять его волю.

Какое безкорыстие, какая идилия и какая наивность!

„Власть народу", демократия (понимая последнее слово, как народовладение, народовластие) и в то же время—существование правительства, „избранного всем (??) народом" государства, которое будет всем этим „полновластным" народом распоряжаться, будет ему приказывать (законами) и будет его наказывать. Хорошая демократия. Нет, это не демократия, не народовластие, а особая форма групповластия, которая по существу не меняется от того, что изменяются названия (аристократия, бюрократия, плутократия, охлократия и т. д.).

„Социалисты" уверяют, что коль скоро осуществится их идея, главным образом, коль скоро перейдет власть в их руки (старая песня),—все сразу успокоится, все пойдет на лад, всем заживется хорошо. Подождем... Может быть, еще что нибудь увидим, но только ничему не удивимся, а предоставим удивляться „социалистам", которые уже начинают понемногу заниматься этим в последнее время.

Это, конечно, вполне понятно: кого, ведь, только не видали последние 2, 3 года у кормила власти. Был Николай—стало невмоготу,—выкинули. Пришел Милюков с Гучковым—не легче, тоже выкинули. Пришел Керенский с Церетелли—таже история. Пришел, наконец, Ленин с Троцким (самые от'явленные „социалисты", от'явленные демократы, народовластцы)...

Ждут. Пока дождались вороха декретов обещающих превратить общество в какую то бюрократическую машину, а всех людей в государственных чиновников оставляя в стороне теоретическую критику „социалистического государства", рекомендуем всякому желающему убедиться в лживости обещаний всех партий, в их демогогии, развиваемой в борьбе за власть, наблюдать современную жизнь, „лучшую книгу мира", „лучшего учителя".

Из краткого беглого взгляда на историю и современную жизнь становится очевидной та „польза", которая приносила и приносит человеку власть—фантазма: она рождалась на крови, укреплялась на крови, жила и умирала на крови снова рождалась из крови и на крови...

Всякая власть требовала крови.

Власть — эта кровожадная ведьма — красавица (как и ведьма она—фантазма, как и красавица она втягивает всех в борьбу „за обладание" ею),—это проклятие человека, она источник „Мировой скорьби". Человек должен стремиться убить в себе, а потом и в других, эту „полезную", „необходимую" (для жизни и в жизни) фантазму, иначе он, в конце концов, погибнет сам.

Б. С.

(Продолжение следует).

Кто виноват?

Недоверие масс к „социалистической власти“ растет все более и более. Бесчисленная тьма больших и малых самодержцев комиссаров, навербованных из числа „вставших на платформу Советской власти“, продолжает делать свое гнусное дело—губит революцию, все далее и далее отталкивая массы от революционных завоеваний, заставляя их часто бросаться в об‘ятия, жаждущих власти социалистов—парламентариев, к учредилке. Действия этих комиссаров (среди которых есть и такие, которые еще весьма недавно „верой и правдой“ служили престолу Николая последнего и которые еще в октябре были в рядах противников теперешних властителей) ничем не отличающиеся от расправ прежних держиморд, ведут революцию к вырождению и тем отдают только что пробудившееся многочисленное население необ‘ятной России в рабство международных хищников, уже смотрящих горящими глазами на терзаемого и извне и изнутри гиганта.

Это так ясно, так определенно проглядывает повсюду, что приходится удивляться, как те старые революционеры, которые держат бразды правления и в искренности которых нельзя сомневаться, не видят того, что происходит, не замечают, что те кто называют себя их помощниками, друзьями являются их врагами. Или фимиам власти отуманил и головы старых борцов? Или возможность проявлять творчество новой жизни сверху путем декретов и приказов опьянила их, лишив возможности смотреть на жизнь трезвыми глазами революционера?

Тысячу раз правы мы, анархисты, когда утверждали и утверждаем сейчас, что власть величайшее зло, что всякая власть по природе своей контр-революционна, что она бессильна что-либо создать. Опыт создания „социалистической власти" лишь подтверждает это на практике. И мы, отрицающие власть, были бы даже благодарны товарищам социалистам за этот опыт (ибо и ошибки полезны, ибо и они учат нас и учат лучше всяких слов и убеждений), если-бы... если-бы, стоящие у власти, „коммунисты" увидели свою ошибку и исправили ее, если бы они продолжали оставаться революционерами. Но этого нет. Революция гибнет. Парламентарии уже готовят для нее гроб учредилки.

Произвол, насилия, смертная казнь, расстрелы, издевательства над свободой, преследование истинных революционеров (анархистов) „для укрепления революции и социалистического отечества" бьют не столько буржуазию и не стоящие на платформе советской власти партии, сколько рабочий класс, разбивая его единство, внося раздор в его среду и тем ослабляя его силы; эти мероприятия так же способствуют укреплению революции, как может способствовать укреплению нервной системы сбрасыванье камней на голову пациента.

Но, в том, что наша революция остановилась, даже, как будто, имеет намерение пойти назад, виновата не одна Советская власть.

Она главный виновник. Но у нее есть и невольный соучастник. Не подумайте, что мы имеем ввиду врага революции—буржуазию, монархистов, контр-революционеров и т. п. Нет. Их уже не так много как это кажется теперь власти (у страха глаза велики) и с ними бы революционный народ справился. Мы имеем ввиду более обширную и более важную и необходимую для каждого общества группу его членов—людей знания, техники, опыта, людей мысли т. е. тот круг людей, который принято называть интеллигенциею. Для того чтобы быть понятным, нам приходится пользоваться этим термином в его общеупотребительном значении, но, надобно заметить, что мы не можем согласиться с общепринятым слишком распространительным его значением.

Чтобы говорить о преступном соучастии так называемой интеллигенции с „социалистической властью" в остановке и разрушении революции, мы должны бросить ретроспективный взгляд на всю нашу революцию.

Но еще раньше ответим тем, у кого даже самый намек на

обвинение многострадальной русской интеллигенции, в таком ее отношении к революции, вызовет бурю негодования. Мы скажем, что не нужно возмущаться, нужно отбросить самолюбие, слова и посмотреть на жизнь, на факты, ибо они одни только прямо говорят правду. Поэтому..., обратимся прямо к жизни, к происшедшим за последние два года фактам.

Февральская революция создала единство. Она об'единила буржуа и рабочего. И это было понятно. Она низвергла ненавистное для всех самодержавие, дав возможность свободней вздохнуть и буржуазии и пролетариату. Для буржуа этого было достаточно, он не желал итти далее—для него нужна была хорошая конституция, в крайнем случае республика. Общественных устоев, на которых зиждется его благополучие, он не хотел и не желал ломать. Но он не мог не позволить рабочему классу пойти дальше по пути революции—сила была на стороне последнего и он пошел... Сначала появились министры социалисты, затем коалиционное министерство—власть уходила от буржуазии. Крестьянство прямо приступило к отобранию земель у помещиков. Буржуазия была недовольна, она ясно увидела опасность и начала мобилизовать свои силы для отпора. В то же время начала расслаиваться интеллигенция. Люди слов и теорий испугались дела. Осторожность и страх перед той революцией к которой они звали народ, остановили и их и они стали стремиться остановить революцию. Люди ближе стоящие к народу, понимающие его, еще продолжали итти вместе с народом. Но их становилось все меньше и меньше. Правда, в этот период расслоения интеллигенции недоверие к ней со стороны масс все возрастало и возрастало. Интеллигент в глазах народа становился буржуем. Это было тяжело и обидно для интеллигента, тем более для интеллигента-революционера, но было естественно и простительно для народа. Разбить этот взгляд была должна сама интеллигенция, но не словами, а живым делом. Она этого не сделала, ибо большинство ее испугалось стихии, испугалось поднимающегося колоса—народа, которому терять было нечего кроме своих цепей. Эта часть интеллигенции начала отрекаться от своей прсжней веры в народ, заговорив с ним не языком брата, а языком желающего властвовать вождя. И это окончательно убедило массы в том, что все те, кто стоит выше его на общественной лестнице, не товарищи ему, что они товарищи лишь до того момента пока им не приходится рисковать своим благополучием.

Октябрьский переворот создал между интеллигенцией и народом целую пропасть.—Начавшиеся забастовки чиновников окончательно укрепили взгляд народа на интеллигенцию, как на сторонников буржуазии.

В революции наступил решительный поворот. Массы перешли от слов к делу. Наша же интеллигенция не выдержала экзамена зрелости—жизнь ее провалила при первых же шагах масс к действительному осуществлению пропагандируемых этой интеллигенцией идей. Интеллигенция, оторвавшись от масс, потеряла веру в себя, в свои силы, веру в способности масс к творчеству; она испугалась народа, ее устрашила действительность и она была отметена бушующей стихией на отмель. Интеллигенция не поняла момента, забыла ту основную истинну, которая гласит, что ее место не в рядах угнетателей народа, а в рядах трудящихся. Она не хотела итти наряду с народом, подойдя к нему как брат, а желала стать его вождем. Она не верила в силы народа и была убеждена что новая народная власть недолговечна, что без помощи интеллигенции народ ничего не сделает и придет опять к ней с поклоном. И она ошиблась.

Лишив народ, в тот самый период когда он только что приступил к живому творчеству, людей знания и техники, она способствовала разрухе, повредила революции, но не остановила ее движение, а лишь доказала, что она не такая крайне необходимая сила. Она же, в силу этих обстоятельств, явилась одной из причин, способствовавших укреплению власти. В этом вина интеллигенции перед народом и революцией, в этом ее позор—это черная страница ее вековой светлой истории.

Народ делал и продолжает делать ошибки. Но ему можно их простить. Не его вина, что он века жил в темноте. Тем же, кто видел свет, кто мог и должен был понимать это, простить нельзя. Если мой маленький брат ошибается, я, как старший, должен подойти к нему, подойти по братски и помочь исправить эти ошибки, но не ждать, когда он выростет и сам поймет их, ибо тогда уже будет поздно. А чтобы я мог убедить его, я сам должен прежде всего снискать его доверие. Самомнение и гордость интеллигенции, а также ложная вера в правоту, хотя и опровергаемых жизнью, своих теорий не позволили ей сделать это; интеллигенция не захотела быть братом темного народа, она хотела стать вождем, папой римским, возглашающим с высоты престола непреложные истинны. Она легко проповедывала о

братстве и равенстве, но не в состоянии оказалась осуществить их в жизни. Отрицать нельзя, что для этого нужно было многое, нужно было самоотречение, даже подвиг... Но истинный друг должен быть другом до конца.

Нам тяжело писать эти строки, тяжело обвинять тех с чьим именем связано представление о светлом будущем, кто был почти единственным светочем во тьме царизма, кем был заложен фундамент революции. Но факт изгладить нельзя. Его не изгладят даже и те интеллигенты, которые остались верными народу, которые поняли его и продолжают итти с ним (только не подумайте, что мы причисляем к ним и всех тех, с позволения, сказать, интеллигентов, которые, убедившись в прочности новой власти, пошли на службу к революции и народу лишь для того чтобы комиссарствовать над этим самым народом).

Итак, большинство интеллигенции, по тем или иным причинам, откололось от народа. Это раз'единение, начавшись с весны 1917 г., превратилось в окончательный разрыв после октябрьской революции. Народ остался один с своей „социалистической властью“ и ее приверженцами. Отказ людей знания от деятельного участия в живом творчестве новой жизни, а иногда и прямое торможение этого творчества, сделали то, что позволили разного рода карьеристам заполнить ту пустоту, которая создалась вследствие ухода от революции интеллигенции. „Социалистическая власть“ пока она чувствовала себя непрочной, стремилась привлечь к себе интеллигенцию и даже вела с ней переговоры, стараясь достигнуть соглашения, но потом начала действовать репрессиями (как и всякая власть). Власть продолжала существовать, она укреплялась, ибо ее поддерживали массы, ибо она предприняла реальные шаги к миру. Надежды интеллигенции на то, что эта власть непрочна, что она через неделю, через месяц исчезнет, не оправдались; средства существования истощились и части интеллигенции пришлось пойти „на службу“ к новой власти. Она не хотела быть братом народа и, в силу обстоятельств, была принуждена стать чиновником, слугой новой власти. Создалось позорное положение — интеллигенция не пользуется доверием народа, она не верит власти и в то же время она служит этой власти. Это было ясно и раньше. И те, кто остался честным, кто не пошел с собою на компромисс, занялся другим хотя и менее подходящим для него делом, но не стал чиновником. Их можно порицать, но они заслуживают и уважения. Большинство же не оказалось на той высоте к которой

их обязывало их развитие. Весьма многих прельстила роль генералов от революции, весьма многие испугались борьбы и решили приспособиться к обстоятельствам. Наступил период перекрашиванья в цвет господствующей партии. Началась погоня за местами. Люди с грязным прошлым, люди безпринципные, люди которые причисляют себя к людям знания лишь по недоразумению, весь сор, отбросы интеллигенции бросились делать себе карьеру и действительно делали головокружительные карьеры. Еще в январе 1917 года подлизывающийся к начальству конторщик,—в ноябре комиссар целого отдела министерства. Проклинавший большевиков в ноябре 1917 г. мелкий чиновник—в марте 1918 г. главный комиссар того учреждения, в котором он служит.

Упоенная победой, советская власть решила, что для нее неважен уход от революции людей знания, она забыла, что для осуществления тех или иных практических заданий нужны специалисты своего дела, а не лица „стоящие на платформе советской власти". Новую жизнь во всех областях жизни, даже и в области техники были призваны творить лица стоящие на платформе советской власти... В результатах много неспособных карьеристов встало на платформу советской власти.

Но весьма скоро власть убедилась, что с честными но неподготовленными рабочими и с негодными неподготовленными карьеристами, „вставшими на платформу советской власти", производство не организуешь и транспорт не восстановишь. Убедилась и... бросилась в другую крайность, забыв, что освобождающийся народ не может терпеть чиновников, что народу нужны братья, друзья, помогающие ему в революционном творчестве, а не наемники, власть решила нанимать специалистов, как нанимали их эксплоататоры рабочих. Власть решила, что она сильна и богата и может принудить и купить нужных ей работников. Началась погоня за специалистами. Им стали предлагать большие оклады, им стала предоставляться власть. На службе у власти стали чиновники и, одновременно с централизмом, восстановили полностью прежний, оторванный от масс, стоящий вне масс, бюрократическо-чиновничий аппарат, основанный на насилии. Социалистическая власть оказалась во власти государственного аппарата. Живое творчество революции, было заменено, убитой было революцией, канцелярщиной. Так действовала всегда всякая власть. Без централизма, без чиновников она не могла обходиться.

И „социалистическая власть“ исключением в этом быть не может. Революционеры в борьбе с властью, становятся такими же насильниками, если захватят власть в свои руки, как и низвергнутая ими власть. Произвол и насилие заменют тогда проповедуемую этими революционерами свободу и равенство. И чем больше „революционная власть“ чувствует себя сильной, тем более и более она становится самодержавной, независящей от народа, помогшего ей стать властью, она становится контр-революционной.

Партии стремящиеся к власти и называющие себя революционными, не могут быть таковыми, ибо революция и власть взаимно исключают друг—друга. Революционеры только те кто стремится к уничтожению всякой власти, а не к захвату ее. Это говорит сама жизнь.

Нашей задачей было разобраться в том, кто оказался виновным в вырождении нашей революции, в том, почему великие лозунги революции—свобода, равенство и братство воплощены в жизнь в виде нетерпимости, насилия, произвола, жестокости и ненависти. Мы указали этих виновников — „социалистическую власть“, поработившую народ, остановившую его живое творчество и людей знания и опыта — интеллигенцию, оставившую этот темный, только что пробудившийся народ, без идейных руководителей и тем отдавших его в рабство „народной власти“. Вот активные и пассивные виновники остановки революции, могущей повести ее даже к гибели.

Но наша задача состояла не в том, чтобы только указать виновников, ибо мы не судим, ибо мы, анархисты, прощаем ошибки.

Наша задача состояла не в том, чтобы эти ошибки были поняты теми, кто их сделал и исправлены ими. Этого требуем не только мы, этого требует революция, благо народа, благо каждого из нас...

Мы не верим власти, мы хорошо знаем, что она превращает в чорта даже ангела. Но тем не менее мы обращаемся к тем из теперешних властителей, кто еще не вполне порвал связь с народом, в ком еще не угас дух революционера. Мы обращаемся с последним призывом, ибо скоро будет уже поздно.

Сила в единении. Сила не в насилии, а в братстве и солидарности.

Пусть же „народная власть“ вспомнит о своей прежней революционности, пусть вспомнит о своих революционных

лозунгах, пусть наконец посмотрит прямо на жизнь и откажется от гибельной тактики властвования. Ведь есть же искренние и честные революционеры и среди теперешних властителей? Пока еще власть держится, но не штыками красной армии, а поддержкой масс. И пока еще не поздно, пока массы еще не сделали ложных шагов назад, она может удержать их от этого, отказавшись от насилия, над этими самыми массами. Она должна это сделать во имя революции и она может сделать, ибо, когда массы будут с ней, тогда революции не страшны контр-революционеры и „белогвардейцы". Она не будет тогда властью, ибо насилие неот'емлемо от власти, но она будет тогда защитником революции, а не врагом ее. Пора начать бороться с условиями, с учреждениями, со старым обществом, но не растрачивать силы на борьбу с людьми.

Пора приняться за действительное переустройство жизни, ибо декретное творчество надоело уже и самой власти.

А для этого нужно пойти в ногу с народом.

Пусть и те, чьи знания и опыт могут сделать этот процесс окончательного разрушения и творчества новой жизни более легким, помогут в этом народу. Последний период революции показал, что сила в руках народа, что он и только он вручит власть тому, кому он захочет или никому ее не вручит. Помогите же ему в его творчестве, ибо иначе он сметет вас вместе с властью. Но помните, что вы, как старший брат, должны сами подойти к нему, знайте, что вы виновны перед ним, что он вам не верит и поэтому прежде всего постарайтесь снискать его доверие. А он вам поверит, если увидит, что вы искренне хотите итти с ним, а не против него, что вы не хотите властвовать, а лишь помочь ему.

Осуществляйте свободу, равенство и братство и тогда революция не погибнет,

Он.

Анархический Интернационал и международный язык.

Вторая Всероссийская Конференция Анархо-синдикалистов ознаменовалась фактом, имеющим глубокое историческое значение. Эта конференция, основываясь на общей оценке положения и считая, что ближайшими задачами анархистских организаций и анархической работы являются: 1) всеми возможными средствами и силами помочь массам и революции высвободиться из временного тупика, в котором революция оказалась в настоящее время, и 2) по возможности идейно подготовить массы к тому моменту, когда тупик будет изжит и судьбы революции окажутся снова в руках свободных масс, призванных творить и строить новые формы жизни—нашла, что «неотложными практическими мерами к разрешению этих задач являются следующие:

1) об'единение деятельности всех анархо-синдикалистских и анархических групп и организаций в России, стоящих на платформе массового организованного рабочего анархического движения,

2) немедленное восстановление и усиление связей с анархистами других стран,—в особенности с анархистами Германии, Франции, Англии, — и скорейшая постановка анархической агитации в международном масштабе. Полным завершением этого об'единения должно явиться основание Рабочего Интернационала... Не по типу только что состоявшегося III-го Интернационала, в котором участвовали аристократы пролетарского, движения, «представители» пролетариата давным давно отмывшие от своих рук следы участия в работе; «главари» рабочих

масс которым белизна,—мягкость и блеск выхоленных ногтей мешают восстановить образ когда то мозолистых рук рабочего; которым белоснежное крахмальное белье стерло из памяти синюю рабочую блузу; белоподкладочники рабочего класса для которых запах модных духов стал ближе и милее запахов трудовой обстановки. Не по типу III-го Интернационала, этого международного генерального штаба от пролетариата, многие из участников которого подобно Руднянскому, покинувшему Венгрию, по словам Зиновьева, свыше полугода [1]), только с точки зрения большевиков могут считаться представителями рабочего класса. Или подобно капитану Седулю, характерная фигура которого может служить ярким доказательством «истинного» представительства в последнем Интернационале.

Товарищ Седуль, офицер французской армии, в которой можно дослужиться до высших чинов лишь путем подхалимства, прислужничества и «хождения на задних лапках» перед начальством, были до октябрьской революции прикомандирован к французской миссии в России. После октябрьского переворота за сочувственное отношение к большевикам Седуль был исключен из миссии и поступил на службу в наш Военный Комиссариат, а во время конституирования III-го Интернационала очевидно за симпатию к ныне правящей партии, возведен в чин «представителя французского пролетариата». Мы должны стремиться не к такому Интернационалу, целесообразность основания которого могла бы вызвать сомнение, подобно тов. Альбер [2]), а истинному Рабочему Интернационалу, соединению воль мирового рабочего класса в лице своих товарищей трудовиков со следами еще неотмытой сажи, с несошедшими еще с рук мозолями, с неуспевшими еще выветриться запахом фабрики или завода.

Присущий русскому народу анархизм, существовал и существует давно, но существование его было неосознанным и незаметным для носителей его. Только со времени Бакунина и Кропоткина анархизм начал осознаваться отдельными индивидуумами, с 1903 г. локализоваться: появляются пункты анархического движения в Белостоке, Нежине и др. городах, а с момента частного совещания анархистов в Лондоне, в конце 1904 г. анархизм начинает принимать определенные формы коллективного осознания.

---

[1]) См. „Сев. Ком.“ № 71 (264).

[2]) Там же.

Для лиц, незнакомых с анархизмом и анархистами может показаться странным, что, не смотря на существование в России в течение нескольких десятков лет анархистов, до настоящей революции не было слышно совершенно почти ничего ни об анархизме, ни об анархистах.

Для лиц, непостигших основ анархизма, не знакомых с анархической пропагандой, но в то же самое время знакомых с работой партийников, покажется такое явление маловероятным.

«Довольно странно — скажет каждое из таких лиц—«с одной стороны, существование в течение не одного десятка лет учения и пропагандистов, а с другой—почти полное отсутствие в народе представления, как об одном, так и других.

Странного же очень мало.

Значительную роль в этом отношении, конечно, сыграла царившая в России после 1905 г. реакция, а также международное преследование анархистов. И, если социалистическим партиям, имеющим кровное родство с государственностью, приходилось забираться в подполье, то уже анархистам осторожность диктовала большее.

Но дело не в этом.

Коренное расхождение, в направлении всей работы анархистов и социалистов проистекает, с одной стороны, из глубины анархического учения, с другой же лежит в самой психике анархиста.

Давно ведущаяся не только у нас в России, но и за границей анархическая работа отличается от работы партийных пропагандистов и агитаторов тем, что совершается без афиширования, незаметно не только для власть имущих, но подчас даже и для самих масс.

Анархисту не важна его личная популярность, не важно ему то, чтобы его масса знала, как анархиста. Ему важно выявление в массах дорогой ему идеи, воплощение этой идеи, дотоле неосознанно блуждающей в головах его окружающих и с его помощью принимающей определенные формы.

Пропагандитская работа анархиста—самоцель.

Анархист всегда ведет свою работу внутри самых масс, но не вне их. Массовая работа только тогда ценится анархистом, когда не носит характера нажима на массу. Его работа всегда должна быть подобна работе повивальной бабки, которая только помогает роженице, но не дает ей советы, не указывает ей как следует рождать. Как роженица в процессе родов совершенно не

знает в каком положении находится появляющийся на свет младенец, так и масса в моменты, почти инстинктивного творчества, не в силах учесть самого процесса выявления идеи и формы в какую она может вылиться.

Вот в такую то минуту на помощь ей, и приходит анархист. Его роль—в указании прежних и предупреждении могущих быть ошибок, но отнюдь не стремление, свойственное партийному работнику—«брать быка за рога»—подтягивать массу до того, что еще не дошло до сознания самой массы. Анархическая работа имеет огромное преимущество в смысле достижения положительных результатов, создания прочных форм общественного строительства перед деятельностью партийного работника, этого «коновала общественности», но имеет и крупные недостатки. Анархическая работа по своим заданиям требует от выполняющего ее огромного природного такта и таит в себе неисчерпаемый источник неожиданностей, скрывает неисчислимое количество подводных камней. Она требует большой осмотрительности и не только моральной поддержки со стороны единомышленников, но также и идейной.

Последнее настолько важно и необходимо для каждого из нас, насколько необходим воздух для дыхания, вода для рыбы.

Сплошь да и рядом бывало так, что в одном и том же городе работало по несколько анархистов и только счастливая случайность натыкала их друг на друга и они узнавали о существовании своих единомышленников.

Так бывало на территории одного города, еще хуже обстояло дело на территории уезда, губернии и т. д. Чем больше территория, тем меньше было шансов даже на случайные встречи, меньше возможностей на общение с единомышленниками; тем больший простор представлялся для уклонений от правильной анархической тактики, шире горизонты для заблуждений.

Только, повторяю, природный такт выручал многих из наших товарищей, только товарищи, рожденные анархистами, могли при таких условиях работать и не сбиваться с истинного пути. Но если природный такт и выручал анархистов, то все же он не ограждал их от частых сомнений в правильности ведущейся ими работы. Такт не гарантировал нашим товарищам спокойствия духа.

В настоящее время же, когда общественно-политическая жизнь течет быстро, одна ее форма сменяется другою, проис-

ходит безостановочный процесс формирования. Без сомнений все чаще и чаще смущает нас не только каждого в отдельности, но и целыми группами. Каждому из нас хочется поделиться мыслями со своими единомышленниками, группам—столковаться с группами.

Анархисты, пройдя реакционную полосу с 1905 г. по настоящую революцию, поняли вред разрозненной работы. Они теперь хорошо знают, что та тяга к общению с единомышленниками, которая живет в душах наших товарищей, при продолжительном отсутствии возможностей к этому общению, после тщетных попыток к тому и бесплодных исканий, начинает атрофироваться, пропадать, а взамен ее появляется большая самоуверенность, углубление в себя, выкачивание самого себя, муссирование своих ошибок.

Начинается кустарная пропагандистская деятельность, разнохарактерность в тактических приемах, а все вместе взятое выливается в формулу: «сколько—голов, столько—и анархизмов» Появляются бесконечные ряды, а в каждом из них разнообразные виды анархистов: «анархисты из Торжка», «анархисты Шатовского толка», «анархисты от телеграфистов», «анархисты от булочников», «анархисты от самих себя» и т. д. И мало анархистов в истинном смысле этого слова.

Если не ошибаюсь, анархо-синдикалисты одними из первых осознали этот недостаток и вот уже две конференции прошли под флагом не только координации пропагандистской деятельности всех единомышленников, но и стремления к возрождению Рабочего Интернационала.

Дружная работа всех идейных анархистов сильно подвигает их пропагандистскую работу, дает возможность говорить на общем всем и понятном анархистам языке, не будет разноречивостью взглядов порождать в головах слушателей страшный сумбур, и наоборот дает возможность массам уяснить, чего мы хотим и чем мы отличаемся от представителей политических партий. Нет сомнений, что для совместной работы в одном государстве анархисты, пользуясь природным языком, найдут точки соприкосновения в своей работе или, как говорят, «найдут общий язык».

Иначе обстоит дело с об‘единением анархистов всех стран, с созданием Рабочего Интернационала. При об‘единении анархистов мира первым камнем преткновения будет язык.

Человек познает себя и совершенствуется только через себя и окружающее его общество.

Общество совершенствуется только при условии совершенствования личности каждого человека данного общества.

Орудием общения, понимания личностью общества и общества личностью служит язык.

Общий язык дает возможность людям занимающим определенную территорию, живущим в одном государстве понимать друг друга, совместно работать, сообща стремиться к улучшению своего благополучия, воплощать в жизнь намерения своего народа.

В международном отношении это не так доступно; здесь сразу же наталкиваешься на отсутствие общего языка—того орудия, которое и является основою человеческого общения.

Выразив свое желание на развитие пропаганды в пользу Рабочего Интернационала, мы в то же самое время должны подумать и о том, как бы помочь рабочим всего мира в смысле облегчения их сближения и создания тесной связи путем живого общения.

Мы, анархисты, должны все время помнить о том, что Рабочий Интернационал—не Интернационал аристократов рабочего движения, а Союз представителей самых недр международного рабочего пласта. Нам должно быть хорошо известно, что для таких представителей иметь общий разговорный язык гораздо ценнее, чем для аристократов III-го Интернационала, могущих, как говорить, так и переписываться не на одном европейском языке. Для таких «представителей» не трудпо вести обсуждение вопросов на каком угодно из новых языков.

Не так представляется мне Интернационал Рабочих. Для них, знающих только один родной язык, трудно будет вести обсуждение интересующих их вопросов.

Мы должны не упускать из виду того, что сейчас рабочему, ведущему отчаянную борьбу с капиталом всех форм и видов нет времени изучать не только несколько иностранных языков, но даже и одного, потому что на это нужно затратить годы. Да и нет смысла.

С каждым годом в лоно Рабочего Интернационала будут притекать представители все новых и новых народностей. Букет национальностей Рабочего Интернационала с каждым годом будет становиться все пышнее и пышнее. В начале легкие сочетания говоров пескольких национальностей будут непре-

станно обогащаться присоединением новых. Эти говоры будут ласкающе действовать на ухо слушателей но не дадут нам того, к чему мы стремимся. Эти говоры не сольются в могучий трубный звук, от которого падут иерихонские стены государственности и капитализма. Наоборот эта разноголосица может возродить библейскую легенду о Вавилонском столпотворении.

И невольно мысль сама собою останавливается на необходимости пропагандирования международного языка, как вспомогательного средства к общению мирового пролетариата.

Мысль о создании общего для всех народов языка—не нова.

Эта мысль не раз осеняла головы людей даже в глубокой древности. Люди того времени при слабо развитом международном общении уже учитывали, что существование разных языков и происходящее отсюда непонимание друг друга страшно не выгодны для человечества. Что такое положение народов не может послужить почвою для сближения, сделать связь живее и прочнее, и наоборот усугубить взаимное непонимание, породить, отчужденность даже между соседними народами, послужить почвою для углубления нездорового национализма.

В трех направлениях шли попытки создания международного языка.

Одни из пропагандистов настаивали на принятии в качестве международного языка латинского, другие предлагали один из новых языков, наиболее распространенных в международном масштабе, а третьи—создать искуственный язык.

Мечтания о восстановлении латинского языка совершенно напрасны.

Латинский язык, один из древних языков мира, вплоть до XIX столетия играл роль международного языка. Им главным образом пользовались ученые и духовенство того времени.

XIX век—век быстрого развития науки и техники, пара и электричества положил предел существованию его. Жизнь настолько продвинулась вперед и изменилась в своем темпе, настолько стала требовательной по отношению к гибкости и обилию словесных выражений и в то же самое время сжатости их, что тяжелый латинский язык, принадлежавший народу, существовавшему в эпоху примитивных средств передвижения и отсутствия обширности сношений, сразу отстал подобно тяжеловозу от быстро мчащегося в карьер века изобретений.

Масса новых понятий, рожденных открытиями и изобретениями, обрушилась на голову старика и навсегда погребла его под собою.

На смену пришел английский язык, который отважные мореплаватели—британцы, разбрызгали по гаваням всего мира и прибрежной полосе океанов, но дальше, вглубь материка он не пошел.

Французский язык тоже дерзнул завоевать весь мир, но «волею судеб», сфера его распространения ограничилась стенами гостинных в барских домах и дворянских усадьбах.

За последние два десятка лет во все уголки белого света, до которых дошли артерии железных дорог, вместе с саквояжем коммивояжера проник немецкий язык и стал завоевывать права гражданства. Но стряслась беда, загорелась кошмарная империалистическая бойня, разрушившая сложную систему экономического завоевания мирового рынка и немецкому языку суждено сойти с международной арены.

Ни старые, ни новые языки не смогут играть продолжительное время роли международного языка и подтверждением этому могут служить, с одной стороны исторические факты крушения влияния отдельных народов на другие, с другой нацпоналистичность и связанные с нею предрассудки, которые в особенности будут служить огромным препятствием в этом отношении.

Ни одному из новых языков не суждено играть роли нейтрального языка. И настоящая война довольно красноречиво доказала тщетность попыток в этом направлении, в то же самое время выдвинув на арену мирового служения искусственный язык—Эсперанто. Я не буду останавливаться на всех нападках и возражениях на этот язык не буду углубляться в область. филологических споров, потому что не это должно служить целью настоящей статьи, а сообщу лишь имеющиеся у меня сведения о роли языка Эсперанто и его распространении, указывающие на жизненность этого языка, возможность и желательность его применения в наших целях.

Язык Эсперанто начал свое существование с 1887 г., с момента появления первой брошюры о нем, как вспомогательном международном языке. С этого года и началось новое идейное течение, получившее название—Эсперантизм. Творцом этого языка был доктор Заменгоф, он же Эсперанто, который о зарождении мысли создать международный язык, так пишет в письме

к одному из эсперантистов:—Я родился в Белостоке, Гродненской губернии. Это место моего рождения и моих детских лет дало направление всем моим будущим стремлениям. Население Белостока состояло из четырех различных элементов: русских, поляков, немцев и евреев. Каждая из этих наций говорила на своем отдельном языке и враждебно относились к другим. Здесь, как нигде еще, отзывчивая натура чувствует неудобство многоязычня и на каждом шагу убеждается, что различие языков, если не единственная, то, по крайней мере, главная причина, которая раз'единяет человеческую семью на неприятельские лагери. Меня воспитывали, как идеалиста: меня учили, что все люди братья, тогда как в действительности на улице-ли, на дворе-ли, на каждом шагу все заставляло меня чувствовать, что людей нет: существуют же только русские, поляки, немцы, евреи... Такое явление всегда и сильно мучило мою детскую душу, хотя у многих, быть может, и вызовет улыбку эта «мировая скорбь» ребенка. Представляя себе в то же время, что взрослые владеют какою-то всемогущею силою, я повторял себе, что сделавшись «большим, я непременно удалю это зло».

Приведенный отрывок письма говорит, что главной побудительной причиной создания Эсперанто было чувство любви к людям и стремление об'единить народы всего мира в единую тесную семью.

Конечно, мы, анархисты, не можем согласиться с автором в том отношении, что панацеею от всех зол может служить единый язык, что отсутствие такого языка пораждает враждебность народов друг к другу. Причины лежат гораздо глубже. Они лежат в области экономических, политических, государственных и классовых взаимоотношений, но все же мы должны признать, что существование такого языка *ускорит* конец, существованию международных трений и даст возможность спаять словно цементом мировой пласт пролетариата и навсегда покончить с царством Власти и Капитала. Популярность Эсперанто становится с каждым годом все больше и больше. Эсперантизм принимает все большие размеры. В период с 1905—1917 г. состоялось 11 всемирных конгрессов, на которые с'езжались эсперантисты всего мира и на которых единственным разговорным языком был Эсперанто. На нем же было дано несколько спектаклей. Число эсперантистов к половине 1918 г. достигало до 5 миллионов человек; число сторонников его из среды ученых с каждым годом сильно увеличивалось.

О последнем эсперантист Н. С. Паргачевский так пишет в своей статье «начинающим эсперантистам»: [1]).

«Для того, чтобы не показаться голословным фанфароном я назову имена *некоторых* ученых эсперантистов:

Ректор Дижонского университета, академик Буарак, Буйвид, профессор Краковского университета; французский профессор Шарль Рише; *профессор лингвист* московского университета Брандт; *профессор—лингвист* Бодуэн-де-Куртенэ и т. д.

Кроме того, в числе приверженцев Эсперанто можно упомянуть также, известные каждому интеллигентному человеку имена, как Жюль Верн, Лев Толстой, Уэллс и Элизе Реклю.

Последний в своем сочинении «Человек и Земля» отводит языку Эсперанто, этой «глупой и непрактичной выдумке» несколько страниц.

В целях большей убедительности в практичности языка Эсперанто приведу выдержки из статьи Михальского «Война и Эсперанто». (Волжский Пионер. 1917 г. № 1. Саратов.).

«20 июля 1914 г. в Париже должно было состояться открытие 10-го всемирного конгресса эсперантистов. Конгресс обещал быть многолюдным: до июня месяца только приблизительно записалось свыше 3000 человек различных стран и народностей. Но... заволоклось европейское небо густыми тучами, грянул гром и разразилась небывалая гроза. И праздник братства и мира не смог состояться во всем своем великолепии;—война казалось, нанесла громадный удар эсперантизму. И мы, эсперантисты, думали, что очень трудно будет проповедывать наше святое дело в дни всеобщего озлобления и траура...

Но жизнь, жизнь материалистка, показала сама, насколько язык эсперанто необходим, даже и без чисто идейных целей.

Вкратце я об этом и расскажу:

Много людей, паходившихся за границей в путешествии по торговым делам или на курортах, с об'явлением войны попали в безвыходное положение. Тоже самое случилось и с жителями оккупированных местностей. Что делать? Как выбраться из беды? Каким образом сноситься с родственниками и пр?

Снестись можно—при помощи нейтральных стран. Хорошо. Но на каком же языке писать в эти страны. Если находятся лица, знающие нем., франц. и англ. языки, то почти совсем

---

[1]) Волжский Эсперантист. 1918 г. апрель—июнь, № 4—6.

нельзя встретить знающих шведский, голландский, итальянский, испанский и пр.

Что же делать? Вот тут то и приходит на помощь международный язык Эсперанто. На нем можно писать в какую угодно нейтральную страну, чтобы получить нужные сведения, пересылать посылки, письма и пр.

А лучше всего обращаться в центральное бюро «Универсальной Эсперанто—Ассоциации», при помощи ее делегатов и консулов, имеющихся во многих городах земного шара, особенно в Германии, Анллии, Франции, которая и исполнит поручение...

...И помощью У. Э. А. во время текущей войны пользовались не только частные лица. но и различные общества, союзы и даже специальные осведомительные бюро по наведению справок об оставшихся за границей. Так, напр., Киевское Об-во по розыску киевлян, застрявших во враждебных странах, по сообщению газеты «Киевская Мысль» (№ 265) весьма успешно применяет язык Эсперанто и пользуется услугами У. Э. А., и удовлетворенное в высшей степени успешном применением Эсперанто, предложило Московскому Обществу воспользоваться тоже услугами международного вспомогательного языка («Русские Ведомости №№ 268,266).

Я, например, лично узнал судьбу моего брата—солдата только благодаря Эсперанто. На запросы моих родителей в Бюро справок Красн. Креста в Петрограде, что случилось с братом, был получен ответ, что 27 сентября он исчез, а больше ничего не известно. Тогда я решил обратиться к помощи Эсперанто и сделал запрос в У. Э. А. с просьбой узнать, не находится ли брат в плену и указал его полк и пр. И что же, не прошло и месяца, как получилось от У. Э. А. известие, что брат в плену в Терезиенштадте... Подобных случаев—громадное множество. Помимо этого, языку Эсперанто дали и другое, «политическое» применение. Важным для воюющих держав является сочувствие нейтральных государств».

И Германия, учтя это первою, издала «Белую книгу» на Эсп. языке в количестве нескольких миллионов экземпляров и разослала ее не только в нейтральные страны, но даже и при помощи своих агентов и в страны враждебные.

...Кроме «Белой книги» рассылаются также в огромном количестве во все самые отдаленные уголки земного шара сообщения германского штаба о победах, тоже на языке Эсперанто.

Французы и англичане также начали после этого рассылать во все нейтральные страны на языке Эсперанто сообщения штабов о ходе военных действий.

И, наконец, Эсперанто с успехом применяется учреждениями Красного Креста, Центральный Комитет коего принял Эсперанто одним из своих средств сношения...

Приведенных отрывков, кажется, вполне достаточно для иллюстрации завоевания языком Эсперанто прав гражданства не по указке свыше, не при посредстве декретов, а благодаря требованиям самой жизни.

Польза международного языка в настоящее время настолько очевидна, что нет необходимости очень долго останавливаться на доказательствах ее.

При создании действительно Рабочего Интернационала, когда начнется дружная и совместная работа низов, я не могу представить себе ни одного собрания, ни одного с'езда, который мог бы пройти в отсутствии единого языка.

Не нужно иметь сильного воображения чтобы представить себе с'езд на котором речь каждого оратора, при отсутствии общего языка, переводится бесконечным числом переводчиков по числу представленных на нем национальностей.

К каким практическим результатам может придти такой с'езд?

А сколько же времени и в каком порядке производить переводы каждого связанного слова, иредоставляю возможность высчитать и обдумать каждому из читателей.

И так, чтобы истинные представители Рабочего Интернационала не очутились в положении героев повести Короленко «Без языка» и чтобы пролетариат, осознав необходимость всемирного единения, шел к этой цели совместно и быстро договариваясь, все за пропаганду Рабочего Интернационала в связи с пропагандой международного языка.

Михаил Топтыгин.

Мысли анархиста.

Жизнь — вечное творчество.

Человек—Творец.

Мира он создать уже не может, ибо мир существует. Но он может пересоздать его по своему плану.

Дерзай человек! Будь смелым и ты будешь всемогущим.

Люди были рабами природы...

Благодаря уму человек стал царем земли...

Но, освободившись от рабства природы, он стал рабом себе подобных.

Чтобы избавиться от рабства нужна не власть, а сила—сила масс, способная разрушить рабство и защитить свою свободу.

Свобода—безвластие.
Равенство—свобода и отсутствие собственности.
Лишь свобода и равенство могут создать братство.

——

Не верь вождям,
Не поклоняйся им,
Не знай авторитетов,
—Свободным будь творцом.

——

Слово могучее силу великую может создать.

——

Свобода и закон непримиримы.

——

Не отливайте вечно текучую жизнь в мертвые формы закона.

——

Пусть погибнут законы
—Да живет творчество.

Апрель 1919 г.

О. Н.

Цель жизни.

Единственная цель жизни—Творчество.

Цель жизни—Творчество...
Творец лишь тот,
Кто вечно будет жить
В творении своем.
Творец лишь тот,
Кто Мир в себе,
Как женщина младенца
В созданье претворил.
Творец лишь тот,
Кто мир об'ял,
Кто понял Все,
Кто в части Целое
Мог воплотить.

Ноябрь 1912 г.

Н. Островский.

Из нашей жизни.

Уже на первой Всероссийской Конференции Анархо-Синдикалистов раздавались отдельные голоса товарищей о необходимости совместной работы всех идейных анархистов (коммунистов, синдикалистов и индивидуалистов). На второй Конференции выяснилось, что такая об'единенная работа анархистов всех течений *на местах* постепенно осуществляется (Вологда, Рязань, Тверь и др.). На той же конференции представителем от Украинского Секретариата анархических групп был сделан доклад об „Едином Анархизме", доклад теоретически разрабатывающий платформу об'единенной работы анархистов всех учений и толков. В начале этого года перед Питерской Федерацией Анархо-Синдикалистских групп, благодаря многим об'ективным обстоятельствам, точно также стал вопрос о совместной работе.

После всестороннего обсуждения этого вопроса в делегатском совете Питерской Федерации на 1-ое марта была назначена общегородская конференция всех идейных анархистов (коммунистов, индивидуалистов и синдикалистов). Центральным вопросом этой конференции был вопрос о „совместной работе".

„Деление анархистов на коммунистов, индивидуалистов и синдикалистов—начал докладчик—нелепо и в высшей степени гибельно своими последствиями для анархического движения.

Попытаемся вкратце как с теоретической, так и с практической стороны разобраться в этом вопросе. Прежде всего об индивидуализме и коммунизме.

Издавна указывалось, что характерной чертой, разделяющей анархизм на коммунизм и индивидуализм является признание

индивидуализмом частной собственности на орудия и средства производства.

Так ли это?

Попробуем проанализировать понятие анархизма.

Общественная жизнь зиждется на двух основных началах: личности, человеке, индивиде (индивидуальное начало) и коллективном соединении, обществе в тесном смысле слова, в смысле связывающего момента (коллективное начало). Какое из этих двух начал—первенствующее, издавна интересует многих мыслящих людей. Существует масса теорий, целые школы в философии и социологии, яростно спорящие между собою на эту тему. Одни доказывают, что первенствующее значение принадлежит коллективному началу, *без которою немыслима общественная жизнь* „(научный“ социализм), другие останавливаются на индивидуальном начале, доказывая, что *без него невыносима общественная жизнь* (утопический индивидуализм). Разбираясь в этих теориях беспристрастно мы действительно замечаем, что общественная жизнь немыслима ни без коллективного, ни без индивидуального начала. Оба начала для общественной жизни имеют одинаково важное значение. Можно и должно говорить только об их взаимоотношении, но ни в коем случае о их первенстве. Говоря же о их взаимоотношениях, можно сказать, что эти два начала находятся в постоянно непримиримой вражде в которой они пораждают и дополняют друг друга. Друг с другом они не могут ужиться мирно, но в то же время они не могут существовать друг без друга. Личность рождается только в обществе, без общества нет личности, а есть только животное, одаренное разумом; общества же без личности также нет, а есть только стадо, стая. Личность рождается в обществе и в обществе же она развивается, округляется, расцветает. Общественная, коллективная жизнь людей есть необходимое условие для существования личности. Коллективными усилиями многих личностей каждый индивид извлекает из жизни все необходимое для своего существования и развития.

В основу своей социальной части теория анархизма и кладет это взаимоотношение индивидуального и коллективного начала. Личность, рождающаяся только в обществе, развивающаяся при посредстве коллективных усилий многих личностей, и есть основа всего социального учения анархизма. Не забывая же далее, что главным двигающим моментом в жизни является экономический фактор, анархизм отмечает, что для развития личности *в насто-*

ящий момент истории, необходимо обратить внимание на коллективные усилия в производстве, иначе говоря, *на коммунизм* в развитии социально-экономической жизни.

Резюмируя кратко все вышесказанное, мы приходим к выводу, что всякий анархизм есть *индивидуализм*, поскольку он говорит о развитии личности, рожденной в обществе, иногда ставя ее даже самоцелью всей жизни, и *коммунизм*, поскольку он говорит о коммунизме в социально-экономической жизни. Вот почему всякое деление анархизма на индивидуализм и коммунизм нелепо и безграмотно. Всякий анархизм в своем социальном учении—*индивидуализм* в своем социально-экономическом—*коммунизм*. Возможно, и это очень вероятно, что в будущем, с развитием техники, вопрос о социально-экономической жизни будет решен иначе, что индивидуализм и здесь начнет вытеснять коммунизм. Если это и возможно, то во всяком случае это еще далеко: период полного рассвета индивидуализма придет с чем то для нас неизвестным пока на смену пара и электричества.

Перейдем теперь к вопросу об анархизме-коммунизме и анархо-синдикализме.

В девяностых годах прошлого столетия часть анархистов поняла, что старые пути к анархизму, пути замкнутых эклектических кружков, состоящих из представителей различных по своему социально-экономическому положению людей, что эти пути—узки. Жизнь показала, что к анархизму нужно идти, главным образом, путем широкой, массовой, единой социально-экономически организации. Жизнь показала далее, что одним из наиболее активных слоев общества в борьбе за лучшее человека есть класс производителей (рабочих и крестьян). Следовательно, необходимо было или создавать новые, социально-экономически единые, массовые организации производителей, или воспользоваться уже существующими организациями. Создание новой повело бы неминуемо к дальнейшему расширению и расчленению массовогэ рабочего движения, что было в высшей степени нежелательно в процессе борьбы. Это обстоятельство подсказывало необходимость воспользоваться уже существующими революционными массовыми организациями. Такими организациями. были французские синдикаты, поставившие своей основной задачей *непосредственную* борьбу с капиталом и государством. Анархисты и решили воспользоваться синдикатами, помогая им в их борьбе своим спытом и знаниями—с одной стороны, и

некоторым выправлением линий теоретического синдикализма увлекающего постепенно практический синдикализм на путь марксизма. Такова в кратких чертах история возникновения анархо-синдикализма.

Если споры о революционных массовых, единых социально-экономических организациях, как необходимом моменте в этапе борьбы и были среди русских анархистов до февральской революции 1917 года, то ныне они исчезли. Двухлетний опыт революции показал, что правда была на стороне анархо-синдикалистов. И анархисты-коммунисты не побоялись признать свою ошибку, выйдя в своей работе из узкой кружковщины и сектанства на путь творческой работы среди широких революционных масс, организующихся индустриально в процессе революции.

Итак, нет и не может быть отныне анархизма-индивидуализма, анархизма - коммунизма и анархо - синдикализма, *а есть анархизм.*

Переходя, затем, к практической стороне вопроса, необходимо сказать правду: здесь многое разделяло анархистов, что было в высшей степени *гибельно* для всего анархического движения. Одними из основных спорных пунктов были „эксы“. Не будем останавливаться на том, как смотрят одни на „эксы“ и как смотрят другие. Перейдем прямо к делу. Вот моя точка зрения на „эксы“ и точка зрения тех товарищей, моих друзей, которые поручили мне сделать этот доклад.

Принципиальная сторона. Борясь за коллективное производство и коллективное владение орудиями и средствами производства, мы анархисты, боремся против всех видов собственности: частной государственной и даже коллективной, ибо мы за коллективное *владение*, но против коллективной собственности. Борясь за иной социально-экономический строй мы боремся не за его рефомирование, не за иную его форму, не за иной его внешний вид, а за новое содержание, за иную суть, за революцию (понимая последнее слово, как изменение внутренней сути.) Мы боремся за всеобщую экспроприацию орудий и средств производства, уничтожение института собственности и передачи орудий и средств производства во владение производительного класса,—мы за все это, но мы против только лишь реформирования собственности (а не уничтожение) и частичной экспроприации, тем более денежной. „Эксы“ и есть лишь реформирование собственности, ибо при „эксах“ то или иное количество

денежных знаков перекладываются из кармана в карман. Анархистам же нужно заниматься не перекладыванием денег из чужого в свой карман, как это всегда бывает при „эксах“, а стремиться к полному уничтожению денег. Вот почему *я и принципиально* против „эксов“. „Эксы“ противоречат, повторяю, принципам анархизма: уничтожению института собственности, денежной системы и всеобщей экспроприации.

Практическая сторона для нас ясна. Опыт даже этой революции показал нам, что „эксы“ портят даже самых лучших и честных работников, ибо „власть денег“, как при частном, так и при государственном капиталистическом строе, на какой мы постепенно вступаем,—велика.

Исходя из всего сказанного мной, может быть слишком кратко, мы предлагаем всем анархистам раз на всегда вне зависимости от условий времени, места и других обстоятельств отказаться от старого способа добывания денежных средств, отказаться от „эксов“. Только поддержка производительного класса, рабочих и крестьян и самопомощь может и должна служить источником для развития анархического дбижиния. Вот, друзья, главный пункт, раз‘единяющий нас до сих пор.

После коротких прений, в которых указывалось на невозможность, пожалуй, ставить вопрос об „эксах“ в такой категорической форме, на необходимость иногда в провинции, (и только в провинции), прибегать к этому способу изыскания средств, доклад был принят полностью.

Был поднят также вопрос об отношении к займам, к которым прибегают изредка некоторые товарищи. В этом вопросе к единогласному решению не пришли: одни указывали, что к займам изредка можно, и то лишь в самых крайних случаях, прибегать; Другие указывали, что морально займы гораздо хуже чем „эксы“. Конечно, никакого решения, по этому вопросу, по которому одни подчинились бы другим, не было внесено.

Конференция выделила из своей среды Комиссию по организации анархических сил, главной задачей момента которой является организация порайонно и индустриально анархических групп. Была пополнена далее редакция „Вольного Труда“, которым, до возможности издавать общий орган, решено было пользоваться, как единственным в Питере анархическим органом. Еженедельно по вторникам решено было устраивать общие собрания всех идейных анархистов, а по четвергам устраивать лекции.

Следующие два общих собрания показали, что об'единеными силами можно кое-чего даже в настоящий момент достигнуть.

На предпоследнем собрании, между прочим, стал вопрос о Путиловском заводе. Были представители анархисты от некоторых заводов. Из обмена мнений выяснилось, что усматривать причину последних событий в Питере только лишь в левых эсэрах, как это делает правящая партия—в высшей степени наивно. Причины гораздо глубже: с одной стороны—экономическое положение Питерского пролетариата, с другой стороны—политика в рабочем вопросе правящей партии. До тех пор, пока не будет дана свобода рабочему классу идти прямо и самостоятельно к коммунизму, до тех пор у нас будут подобные столкновения.

Семеныч.

XИ-VIII-38810

ИЗДАТЕЛЬ: Питерская Федерация Анархо-Синдикалистских Групп.
РЕДАКЦИЯ: РЕДАКЦИОННЫЙ КОЛЛЕКТИВ.

Анархистская молодежь! Готовься к I-му Всероссийскому С'езду имеющему быть 29-го июня в городе Москве!

Открыта подписка на 1919 год

На первый и единственный в России богато-иллюстрированный большого формата общественно-политический и литературно-научный еженедельник.

„Жизнь и Творчество Русской Молодежи".

Орган Всерос. Федерации Анархистской молодежи.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

С доставкой и пересылкой во все концы России:

на год—100 руб. на 6 мес.—55руб. на 3 мес. 30 руб. на 1 мес.—10 руб.

Редакция: Москва. Триумфальная пл. д. №№ 1—2, кв. № 27. КОНТОРА: Тверская, 68 (быв. кафе Яни).

Издание "Московской Анархической Ассоциации.

ПИТЕРСКИЙ КЛУБ ПРОПАГАНДЫ

ИДЕЙ

АНАРХО-СИНДИКАЛИЗМА

помещается на ул. Жуковского, д. 38, кв. 22.

Библиотека - читальня открыта по воскресеньям
от 2 до 3 часов вечера.

При Клубе организована продажа Анархической Литературы и журнал «**ВОЛЬНЫЙ ТРУД**».

Принимается подписка на двухнедельный журнал «ВОЛЬНЫЙ ТРУД» орган Питерской Федерации Анархо-Синдикалистских Групп.

Редакция открыта по **вторникам** и **пятницам**
от **6 — 8** час. вечера.

Журнал высылается лишь по получении денег полностью.

Организации и группы, при условии единовременной выписки
не менее 25 экземпляров, пользуются 20-процентной скидкой.

Присылаемые в редакцию статьи и рукописи должны быть переписаны **четко** на одной стороне листа. Непринятые рукописи—не возвращаются.

Цена № 5-6—4 руб.

Книгоиздательство Союза Анархо-Синдикалистов

„ГОЛОС ТРУДА“.

ПЕТЕРБУРГ.

Просп. Володарского, 56

(бывш. Литейный).

МОСКВА.

Тверская, 70.

Телефоны въ Петербурге: 4-88-99, 72-72.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

М. Бакунин.—Бог и Государство. Цена 1 руб. 25 коп.
Жан Грав.—Будущее общество. Цена 15 руб.
Ж. Ивто.—Азбука синдикализма. Цена 50 коп.
П. Кропоткин.—Анархия. Цена 4 руб. 50 коп.
Его же.—К Молодому поколению. Цена 1 руб.
Его же.—Коммунизм и Анархия. Цена 2 руб.
Его же.—Политические права. Цена 10 коп.
Его же. Новый интернационал. Цена 10 коп.
С. Фор. Преступление бога. Цена 50 коп.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

М. А. Бакунин.—Избранные сочинения в пяти томах.

СОДЕРЖАНИЕ:

1-го тома. Государственность и Анархия с Биографическим очерком В. Черкезова.
2-го тома: Кнутогерманская Империя и Социальная Революция.
3-го тома: Федерализм, Социализм и Антитеологизм; Медведи Берна и Медведь Петербурга, Славянский вопрос.
4-го тома: Организация Интернационала; Усыпители; Письма о Патриотизме; Письма французу; Парижская Коммуна.
5-го тома: «Альянс» и Интернационал; Интернационал и Мадзини.

Э. Малатеста.—Сборник статей об анархизме.
Ф. Пелутье.—История Бирж Труда.
Э. Реклю.—Эволюция, Революция и Анархический идеал.
В. Черкезов.—Предтечи Интернационала и Доктрины марксизма.
П. Кропоткин.—Хлеб и Воля.

[Тип]ография «Научное Дело» Загородный пр., 74. Тел. 19-30.

1

7И-VIII - 38810